

Церковь как место развития человека

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ККЦ	Катехизис Католической Церкви
AG	"Ad Gentes" ("О миссионерской деятельности Церкви"): Декрет Второго Ватиканского Собора.
GS	"Gaudium et Spes" ("Радость и надежда" ¹): Пастырская Конституция о Церкви в современном мире Второго Ватиканского Собора.
LG	"Lumen Gentium" ("Свет народам"): Догматическое постановление о Церкви Второго Ватиканского Собора.
RH	"Redemptor Hominis" ("Искупитель человека"): энциклика Иоанна Павла II, (1979).
VS	"Veritatis Splendor" ("Сияние Истины"): энциклика Иоанна Павла II (1993).

ВВЕДЕНИЕ

Во все времена перед человеком стояла проблема его развития, то есть проблема наиболее полной реализации. Она столь же важна и в нашем современном мире. Сегодня человек желает самосовершенствования, пробует себя в том или ином направлении многогранной жизни. И в этом нет ничего удивительного, потому что стремление к самореализации заложено глубоко в человеке. В сегодняшнем мире существуют два искушения: индивидуализм, ведущий к обособлению человека и закрывающий его ко всему миру, и коллективизм, основывающийся на общности, в которой подавляется человеческая личность. И часто встает вопрос, как объединить эти две крайности, могут ли они существовать вместе и как это возможно? Бог дал человеку свободу, с помощью которой он может себя реализовать. Но как он этой свободой пользуется? Порой он не знает, что с ней делать и куда ее девать, поэтому часто стремится избавиться от нее. Или он сам хочет определить, что для него хорошо, а что плохо, и это ведет его к зависимости от собственных желаний и страстей. Или же он ищет свою дорогу среди множества философских учений, которые не дают того, чего желает его сердце. Часто он чувствует потребность в общине, в которой смог бы жить в атмосфере братской любви и взаимного понимания. И, к сожалению, часто, привлеченный только внешним, отдает свою свободу какой-нибудь секте, замкнутой в себе самой. При этом многие думают, что Церковь только ставит человеку и его свободе границы, что это всего лишь структура, имеющая свои правила, а не действительность, помогающая человеку и направляющая его к совершенствованию, реализации и спасению. На самом же деле, Церковь предлагается человеку как единственный ответ Бога на все его проблемы. Объединяя верующих в свободе, Церковь предлагает иной путь: опыт общины, открытой всем людям, и собирает их в одно Тело, в котором каждый сможет найти свое место в отношении с другими, так как каждый стремится жить прежде всего в отношении с Богом - любящим Отцом.

Эта работа рассматривает, как возможно человеку, живя Церковью и любя ее, реализовать себя; что она ему дает для развития его личности; как Церковь помогает человеку стать тем, кем он должен стать, и как человек, в свою очередь, обогащает ее тем, что имеет.

Итак, мы рассмотрим человека как личность, но личность не являющуюся статической реальностью (I глава). Она развивается (II глава). Для этого, как социальное бытие, человек нуждается в среде, которая поддерживает его. Именно для этого Господь основал Церковь (III глава).

Мы не ставим себе цели осветить всю эту огромную и важную тему, ограничимся рассмотрением некоторых работ известнейших авторов нашего столетия, Романо Гвардини («О Церкви») и Анри де Любака («Мысли о Церкви», «Католичество» и «Драма атеистического гуманизма»), которые переведены на русский язык. Как признано всеми, эти авторы внесли большой вклад в подготовку последнего Собора Церкви, который дал неисчерпаемые сокровища для развития экклезиологии и антропологии.

I ГЛАВА. ЧЕЛОВЕК КАК ЛИЧНОСТЬ.

Прежде чем начать говорить о Церкви, попытаемся дать обзор некоторых исторических периодов жизни человека, которые помогут нам понять, как он пытался определить себя как личность. Пытаясь устранить основу, то есть Церковь, он «рубит сук, на котором сидит» и доходит до того, что возвеличивает самого себя вместо Бога.

А. Человек в средневековье

"Вплоть до конца Средневековья общества, принявшие христианство, признавали в качестве начала, конечной цели и идеала собственного пути нечто высшее: Бога. Все элементы человеческой личности и социального бытия стремились к одной цели. Таким образом, существовала целостная, не фрагментарная концепция личности, космоса и истории. Идеалом человека, характерным для Средних веков, был святой. В святом средневековое общество видело образец человеческой личности: самореализация человека состояла в полном слиянии его со своей целью, то есть Богом. Уподобление личности святого было признанной всеми идеальной задачей каждого человека."

Точно такое же целостное отношение было у человека и к Церкви. "Она присутствовала всегда и в любое время означала для верующего человека нечто решающее. Он принимал ее участие (в своей жизни - В.Э.) и следовал ее наставлениям; сила ее существования была ему опорой и надеждой."

Церковь давала человеку идеал святого, к которому он стремился, не будучи по своей природе способен его достичь. Человечество, несущее на себе последствия греха, само порождает и питает силы вражды и разделения. Анри де Любак пишет: "Многие тысячелетия через хаос рассеяния и собирания, потрясений и авантюры, общественного созидания и развала могучий инстинкт влечет его (человека) к некоему общежитию... Противостояние иудеев язычникам - вот символ всех прочих противостояний! - Но пришел Искупитель и соделал из двух противников одно - свою Церковь. И вот он - тот Храм, который Он видимо воздвиг на камне Петра и где "рассеянных чад Божиих собрал", дабы им вместе славить Бога единого, Город, как замечательно сказано в псалме, "слитый в одно". В нем обитает Дух Господа, и

в Духе этом мы наконец обретаем "то внутреннее начало единства, к которому тщетно стремится мир". Отныне мы пребываем в том едином гармоничном Тэле, в котором становимся "один для другого члены", так что каждый член способствует благу остальных. Меж нами - вышний Иерусалим, Матерь наша, которая делает нас свободными и создает из нас "одно во Христе Иисусе", и тем самым все человечество неизбежно должно было обрести в Нем единство посредством Церкви. Такое возможно только через любовь и благодать, яркое свидетельство тому дает средневековый автор, обращаясь к своему брату во Христе: "Когда ты молишься, то ты во мне, а я в тебе. Говорю так, и не удивляйся словам моим, ибо ты любишь меня, раз на мне запечатлен образ Божий, любимый во мне тобою, и я столько же в тебе, как ты сам. **Я** есть то же, что и ты в основе своей. Ведь всякая душа, наделенная разумом, есть поистине образ Божий. И потому тот, кто ищет в себе этот образ, ищет также и ближнего своего как самого себя, и кто обрел в себе этот образ, обрел потому, что искал, - тот познал его таковым, каков он в каждом человеке... И потому, когда ты видишь себя, ты видишь и меня, ибо я - не что другое, нежели ты, и если ты любишь образ Божий, значит, любишь и меня, носящего этот образ; в свой черед, возлюбив Бога, я люблю и тебя. Так, в поисках одного и того же, стремясь к одному и тому же, мы всегда вместе в Боге, в Котором мы любим друг друга."

Человек, живший идеалом святости, должен был постоянно сопоставлять себя с чем-то высшим, чем он. Он признавал существование Того, ради Кого и было сотворено его сердце. Таким образом, достижение совершенства совпадало с тем, что все составляющие человеческой личности соединялись в Боге.

Так продолжалось вплоть до конца средних веков, но стремление к целостности общественного идеала стало со временем постепенно ослабевать. Стало развиваться фрагментарное мировоззрение, естественно разрывавшее связь с тем, что выше человека, и тем самым уже не дававшее подлинного и действительного развития личности.

Это оказало свое воздействие на отношение человека к Церкви; верующий человек постепенно переставал жить тем, что давала ему Церковь, хотя ее совсем не отвергал. Гвардини подчеркивает это: "Начиная с конца средних веков,

индивидуалистическое развитие достигло известного уровня, Церковь перестала более восприниматься как содержание собственно религиозной жизни. Верующий, пожалуй, еще жил в Церкви и был в какой-то степени еще ведомым ею, но он все меньше и меньше жил Церковью.'

Таким образом, Человек отдалялся от Церкви, отвергая целостный взгляд на мир, погружаясь постепенно во фрагментарное.

Философия нового времени

Посмотрим, какие элементы характеризуют это преобладающее удаление от унитарного взгляда. Можно выделить три фактора, которые показывают, как человек медленно отходил от Бога, вплоть до отвержения Его и возвеличения себя вместо Него. Одна из этих причин проявилась в эпоху Гуманизма. Как мы видели, стремление человека к целостности стало ослабевать. Тем самым он стал стремиться совершенствовать какую-то отдельную способность, чтобы достичь успеха в какой-то отдельной сфере человеческой деятельности. Это сразу дает понять пределы, которые ограничивают всех людей. И на смену идеалу святости приходит идеал человеческого успеха. Считают более важным и стремятся не к соединению всего в Боге, но к образу человека, достигшего успеха и опирающегося на себя самого. Уже не столь важно "добиться успеха" в жизни как целом, но достаточно вызвать восхищение красотой, политической деятельностью, эрудицией и так далее, - это воспринимается как "удавшаяся жизнь". Но тогда человеческая жизнь, а особенно достоинство, оказываются в зависимости от совершения человеком чего-то, что прямо связано с благоприятными или неблагоприятными условиями и обстоятельствами, в которых он действует. Если же они мешают осуществлению задуманного, то кажется, что жизнь прожита напрасно. Более ясно путь от средневекового сознания к эпохе гуманизма описывает Анри де Любак: "Человек стал считать, что возвыситься и достичь самоуважения и вполне освободиться он сможет лишь, если разорвет свою связь с Церковью, а затем и с Самим трансцендентным Существом, от Которого он, согласно христианскому преданию зависел." Таким образом, эти изменения в сознании человека влияли на отношение к

религии. Хотя основы и ценности христианства не отбрасывались, но ощущение жизни становилось независимым от Бога. Вопреки тому, чему всегда учила Церковь, это влияние проникает во все ее области и незаметно обращается во вред. Как замечает о.Филипп де Режи: "Если в новое время, индивидуализм занял, видимо, доминирующее положение в аскетике, проповеди, в самом богословии, даже и в самой литургии, в этом основном святилище коллективной жизни, вопреки тому, что всегда было главным для Христа и Церкви, - то следует попросту заключить, что здесь что-то не совсем в порядке." Для человека религия отделилась от его повседневной жизни и перестала на нее влиять.

Второй фактор появился в эпоху Возрождения: это пантеистическое понимание природы, при котором Бог рассматривается как ее всеобщий животворящий принцип, но не как личность. Следовательно, если природа является источником успеха, возможностей и сил человека, то все порожденное ею в силу самого этого факта - благо. Но от нее исходит импульс, спонтанность, произвольность и инстинкт. Таким образом, "благо" отождествляется с инстинктом. Человек стремится следовать своим инстинктам, потому что природа, якобы, побуждает его к хорошим поступкам. Человек забывает о существовании первородного греха, который является для него реальным пределом и не дает реализовать эти хорошие побуждения. К тому же проявляется слабо выраженная, но реальная враждебность к христианскому Богу, стремящемуся направить или исправить человеческие инстинкты. Этот Бог может вступить в противоречие с побуждениями, кажущимися естественными, поэтому рассматривается как потенциальный или действительный враг. Ведь "вопрос ставился как вопрос о человеке, и желательно было получить на него положительный ответ. Человек устраняет Бога, чтобы лично вступить во владение своим человеческим величием, полагая, что оно несправедливо присвоено кем-то другим. В Боге человек видит помеху, препятствующую завоеванию свободы." Следовательно, и религия смещается для человека в область субъективного, личностного. А ее воплощение, то есть "Церковь, была для отдельного человека, прежде всего, регулирующим началом этой собственно религиозной области, гарантией против недостатков субъективности. Община же сама по себе воспринималась как нечто холодное и не

воспринимаемое, вторичное. Поэтому часто человек ощущал себя заключенным в себе самом, как в тюрьме, и не осознавал, что религиозные предметы существуют реально. Романо Гвардини пишет об этом: "Падежным для отдельного человека было лишь то, что он переживал, испытывал, желал лично, но, с другой стороны, надежными казались понятия, идеи и требования мышления. В силу этого и Церковь неизбежно воспринималась не как находящаяся в себе самой объективная реальность, а только как предел субъективного; не как воплощенная жизнь, а лишь как некое формальное учреждение. Религиозная жизнь существовала лишь для себя, приватно, поэтому девизом жизни для многих было - существую "я и мой Создатель". Это утверждение отражено у Анри де Любака, который цитирует Джона Гионо: "Обрел ли я радость? Нет... Я обрел радость для себя. И это ужасающе меняет дело... Радость в Иисусе может быть личной. Она может владеть одним человеком, и он спасен. Он в мире, он в радости отныне и навсегда, но один. Это одиночество радости не беспокоит его, напротив, он - избранный. Блаженствуя, он проходит сквозь битвы с розой в руке. Когда нищета обступает меня, я не могу укрываться под сенью гениальных нашептываний. Радость моя не выживет, если не станет радостью всех. И я не хочу проходить сквозь битвы с розой в руке." Это же провозглашает Габриель Сиай, сравнивая христианина с современным человеком: "Он (христианин) удаляется из града людей, озабоченный исключительно своим спасением, касающимся лишь его да Бога."¹³

Мы пришли к третьей причине. В эпоху рационализма человек под воздействием научных открытий начал приходить к убеждению, что раз разум может подчинить себе природу, то он может и господствовать над миром и быть истинным господином и богом. После первых завоеваний открываются возможности бесконечного и единовластного господства. Все больше идеал человеческого пути начинает определяться наукой и техникой, которые, воздействуя на окружающую действительность, обещают человеку мир, отвечающий его планам. Таким образом, человек совсем отбрасывает Бога и начинает считать себя господином своей жизни и судьбы.

Этот рационалистический дух привел к тому, что признавалось лишь то, что может быть достигнуто с помощью науки и техники. Примером может служить

Опост Конт, который говорит, что человеческое знание сопряжено с последовательным прохождением через три различных состояния: состояние богословское или фиктивное; состояние метафизическое или абстрактное; состояние научное или позитивное. Иными словами, Конт показывает как на протяжении истории человек создавал различные образы и неотвратимо, постепенно шел к своему развитию через науку и технику. Далее он отмечает, что человек должен "начинать с познания всякого рода явлений как находящихся под прямым влиянием сверхъестественных агентов, продолжениями коих они являются; затем он рассматривает эти явления в качестве порождений различных отвлеченных сил, которые присущи телам, но отличны от последних и имеют иную природу; и в конце, он вынужден усмотреть в явлениях причастность к неизменным природным законам, которых может быть несколько и которые суть не что иное, как отношения, наблюдаемые в их развитии." Таковы три основные этапа человеческой эволюции.

Поэтому, саму жизнь подменяли химическими процессами, а существование души - физическими процессами. Сам человек как живое единство личности, души и тела, со всеми психическими и духовными возможностями, стал рассматриваться как набор неких состояний и функций. Таким образом, "Таинственная глубина отдельной личности, все живое, текущее в ней, казалось уже сомнительным. Надличностное единство общности вообще не замечалось. Его воспринимали как простое объединение отдельных существ, как некую упорядоченность целей и средств. Недоступными осмыслению оставались таинственная основа личности, ее созидательное начало, органические Законы ее становления и развития.

Конечно же, это рационалистическое влияние на человеческую личность не могло не повлиять на ее отношение к Церкви. Основываясь только на имманентном, пытаясь все определять лишь эмпирическим путем и объяснять с помощью естествознания, человек отвергал все духовное. Следовательно, он не мог воспринять, что Церковь - не только видимая, но и невидимая. "В ней усматривали прежде всего целевое и правовое религиозное учреждение. Мистическое же начало в ней, то есть все то, что находится за пределами видимых целей и учреждений, то,

что выражается в понятии Царства Божия, мистического тела Христова - непосредственно не воспринималось.

С Возврат к осознанию действительности

Мы видели, что философия нового времени привела человека к отрицанию Бога и замене его своим собственным "Я", властвующим над миром. Человек перестал видеть и принимать действительность такой, какая она есть. Как бы далеко ни заводили человека философские системы в свои логические построения и сомнения относительно всего существующего, все равно в самых потаенных и глубинных началах человеческой сущности появлялись новые силы. Человек начал осознавать, что неприятие действительности как первоначала лишь замыкает его в логических построениях разума и не дает полного и объемного ощущения счастья и свободы. Поэтому он стал склонен принимать конкретно-реальное как единственную данность. Он ощущал, что она более надежна, чем все логически неустойчивые и постоянно изменяющиеся построения разума. А когда есть что-то устойчивое и постоянное, как реальность бытия, когда каждое бытие имеет ценность само по себе, тогда можно ориентировать на нее абстрактное мышление. Если человек решится на принятие этого, то конкретное с его безграничной полнотой станет непосредственным переживанием. Он сможет войти в это конкретное и иметь возможность шествовать в нем и вместе с ним. Тогда "это воспринимается как свобода и богатство: Я реален, и эта вещь передо мной в ее индивидуально-конкретной полноте гоже реальна! ... Жизнь есть реальное самораскрытие, шествие среди вещей, наличие единения с сущностями, взаимное отдавание и приобретение..,1К Человек, воспринимая вещи как реальность, начинает видеть вокруг себя существование других, таких же, как он сам. Они становятся ему близки, и в то же время каждый из них является незаменимой ценностью. Каждый из них составляет общность, так как "она столь же первична как и личность, «Бытие-для-самого-себя». Она так же изначальна и фундаментальна, и задача совершенствования личности есть задача установления общности."1^ Глубокое осознание этого ведет к тому, что эта взаимная принадлежность личности и общности делается сознанием народа. Но слову «народ» мы придаем его сущностное значение, в отличие от идеализма. "Народ - это изначальная

взаимопринадлежность людей ... в жизни и судьбе. В народе ... по своему сущностному содержанию - человеческое начало во всех его взаимосвязях. Человеческое в его первоначальной целостности и есть народ. Человек - индивидуальность народен, если он несет в себе эту целостность человеческого.^{1"} Человечность - это живое единство человеческого рода, в котором происходит взаимообмен личности и общности, то есть в каком-то смысле их взаимное дарование. Это в свою очередь влияет и на Церковь как на религиозную общность. Как говорит Гвардини, Церковь есть религиозная общность, объединяющая отдельных индивидуумов в действительность. Она охватывает и народ, и человечество. Свидетельство этому дает Конституция "Gaudium et Speas". Она говорит о том, что Бог благоволил освящать людей не по отдельности, а сделать их народом. Он избрал себе народ израильский и заключил с ним завет, ограждал его, наставлял его и освящал его. Христос же заключил новый союз на кресте, призывая из иудеев и язычников народ, который слился в одном духе в новый народ Божий. Этот народ обладает достоинством детей Божиих, и имеет законом заповедь любви." Этот народ есть Церковь Христова. В нее вмещается все. Она в глазах Павла - народ Нового Завета. И ныне это не множество индивидов-пылинок, но именно народ, хотя и собираемый со всех концов земли.

Таким образом, человек должен воспринять, что общность и личность ни в коем случае не противоречат друг другу, но взаимодополняют друг друга. Тем самым возможно будет принять Церковь, как действительность, объединяющую в себе всех индивидов одним Духом во Христе. И эта действительность сможет обогатить человека и дать ему нужную направленность и возможность развития до истинного человеческого достоинства.

II ГЛАВА. РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА.

В первой главе мы увидели, как человек попытался отвергнуть реальность, в которую он включен. Пытаясь отвергнуть Церковь, в конце концов он отвергал Самого Бога. Этим он пытался устранить из своей жизни вертикаль, которая дает ему опору, что и вело его к самоуничтожению. В этой главе попытаемся рассмотреть, что есть человек в свете Откровения Божия. Увидим его сущностные жизненные основы, такие, как общность, заложенная в его природу, его направленность в этом сотворенном мире, а также - как он может достичь самого себя, или стать тем, кто он есть.

Человек общественен

Человек - это существо, призванное играть роль в истории мира, занимать определенное место и общаться с другими существами. Человек может знать других людей и любить их. Одновременно и его могут знать и любить. Человек не создан для того, чтобы жить на земле одному. Совершенно отъединенной личности просто быть не может. Даже тот, кто много лет, например, просидел взаперти, все равно остается личностью, потому что его знали и любили те, кто его родил и воспитывал. Ребенок начинает понимать, что он - личность, при виде своей матери, ее любящего взгляда. Творец призвал людей к существованию для того, чтобы они образовали общество личностей, живущих друг для друга, знающих друг друга и любящих друг друга. Второй Ватиканский Собор говорит так в конституции "Gaudium et Spes" ("Радость и надежда"): "Бог сотворил человека не одиноким: ведь с самого начала Он "мужчину и женщину сотворил их" (Быт 1.27), и их союз стал первой формой общности человеческих личностей. Ибо по своей природе человек - существо социальное, и вне отношений с другими людьми он не может ни жить, ни развивать своих дарований."

Человек склонен по своей природе к общности, даже нуждается в ней, так как это заложено в нем Самим Богом. Ему необходимо общение с другими, такими же, как он, ибо без этого он не может быть личностью, а личности в свою очередь создают общность. "Подлинно христианское представление об общности и личности

возникает из свободно постигнутой целостности реальной жизни. Человеческое бытие дано одновременно и как личность, и как общность. И то и другое не стоят изолированно друг от друга; напротив, общность уже всегда живет в личности в виде тенденции, также и личность всегда необходимо содержится в общности."

И действительно, как говорит нам Откровение, Бог дает каждому человеку те или другие "таланты", но с обязательством, предварительно развив их, поставить их в распоряжение других людей. Одним Он дал ловкие и умелые руки, чтобы производить ими что-либо из дерева, железа или шерсти то, что необходимо не только ему, но и другим. Другим Бог дал способности к музыке, дар слова, чтобы радовать живущих с ними, или ум, для открытия тайн природы и служения людям. Поэтому человек не полновластный хозяин того, что он получил. Каждый получил частичку предназначенных для человечества благ от Бога, ведь Бог не приберегает все только для Себя, но с щедростью и великодушием наделяет нас Своими дарами. Это значит, что человечество задумано Богом не как множество отдельных людей, из которых каждый живет и работает для себя, а как великая семья, где каждый должен стараться, в подражание Богу и в меру своих дарований, увеличивать счастье других. Таким образом, люди призваны к единству, как с Творцом, так и между собою.

Дары, ниспосланные людям, Бог распределил неравно, чтобы люди не замыкались в самих себе и не обособлялись, а нуждались во взаимной поддержке. Такой закон вложил в нас Творец при сотворении. В Божием плане это неравенство заложено изначально, способности каждого принадлежат всему обществу. Каждый Божий дар, полученный одним человеком, должен служить благу других. Никто на земле не бывает обеспечен до такой степени всем, чтоб не нуждаться в своем ближнем. Так же никто не бывает до такой степени лишен всего, чтоб не быть в состоянии приносить пользу обществу. Даже страдание может быть богатством, которое служит благу других. "Если человек приносит свое страдание Господу Богу за других, в общности страдания со Христом, то оно становится для них благословенной, живой, спасительной силой, помогая там, где уже ничего не может помочь, через все расстояния и препятствия." Здесь уместно будет вспомнить об общении святых в Церкви, которое превосходит все границы смерти, связывая между

собой всех, принявших одного Духа, Его объединяющую и животворящую силу. Таким образом, все люди связаны между собой, все нуждаются друг в друге.

Общность заложена в человеке очень глубоко. Еще с самого начала человек связан общностью ответственности и судьбы. Так верность первого человека могла бы явиться испытанием и для всех последующих поколений, но, как известно, вина первого человека стала виной всех. Эта тайна первородного греха уходит настолько глубоко в связь между людьми, что для человека, индивидуалистически мыслящего, почти непереносима.

Общность людей включает в себя не только тайну первородного греха, но также и тайну спасения. Если тайна греха так глубоко вошла в сердце человека, что чужая вина воспринимается им как своя собственная, то тогда и искупление одного может стать искуплением многих. Этим определяется такое понятие, как "корпоративная личность", которое определяет, что грехи или заслуги одного человека есть грехи и заслуги всего народа и также наоборот.

Бог воплотился, стал одним из нас. И Его жизнь на земле среди людей показывает общность спасения. Достаточно вспомнить Гефсиманское бдение, это ужасное переживание, проявившееся даже физически, и все это Он претерпел за каждого человека, когда-либо жившего или еще не рожденного. Все, что пережил Богочеловек, в силу общности человеческого рода стало и нашим достоянием. Он взял на себя всю вину за наши грехи и предстал с ней перед Богом вместо нас. И эта тайна спасения настолько велика, что дается любому человеку, желающему ее принять.

В силу общности первородного греха, человеку трудно, да и невозможно своими силами достичь глубокой и полной общности, где все делится без остатка и в то же время человеческая личность существует свободно и в полную силу. Потому что, либо возобладают силы общности, которые заглушат человеческую личность так, что она будет унижена, либо же личность будет добиваться своего утверждения, разрывая живую связь с другими. Но все таки это возможно, есть такая сила, которая может объединить личность и общность без ущерба для обеих. Именно этой силой является Церковь, которая создает полную общность личностей. "Она создает общность истины, общность сверхъестественных реальностей,

осваиваемых верующим сознанием. Это основания сверхъестественного бытия, одинаковые для всех: Бог, Христос, Благодать, воздействие Святого Духа." В связи с этими Любак вспоминает об образе Церкви, как здания, построенного из живых избранных камней. Это здание есть град Божий, Небесный Иерусалим, основание которого есть Глава - Христос, и созданный всецело из света. Таким образом, в такой общности все имеют общее основание, одни цели, одни моральные и человеческие ценности. В ней исповедуют также одни и те же духовные принципы. Это так глубоко и так серьезно воспринимается, при всех индивидуальных различиях людей. Они глубоко проникаются нуждами друг друга и всем, что важно для другого человека. Тогда возникает общность стремлений и борений, так как одна и та же цель, общность одних убеждений и искания Истины, общность радости, праздника; и для этого не нужно специального обоснования: это живет во всех. Это может быть причиной и содержанием общности. Создается такая общность, где должно быть самое главное - любовь, которая возникает на основе самоотдачи. Тогда возникает дух послушания и водительства, но не как господство одного над другим, а как смиренное служение друг другу. И все это реально, "не с опаской, не с оглядкой, не с подозрением, а с глубочайшим осознанием своей сплоченности, с доверием и ответственностью. ... это возможно лишь в случае, если существует изначальная общность истины, общность фундаментальной всеохватывающей реальности."

В общем, можно сказать, что лишь христианское откровение расширило до предела горизонты человеческой общности, которой принадлежит всякое "Я" с момента своего рождения, но в тоже время и укрепило существование этого "Я", ничтожную частичку этой общины *Капишчство*.

Направленность человека

Человек входит в эту реальность, которая дается ему при принятии общности истины, то есть в Церковь. Она дарует ему истинную направленность, которая должна соединить его с Богом. Церковь стоит на том, что человеческая личность сама по себе имеет ценность в глазах Божиих, так как она вечна. Она не считает

личность за единицу, теряющуюся в массе, но признает за ней абсолютную ценность и объявляет ее священной. Романо Гвардини пишет: "Ей (Церкви - В.Э.) приходится принимать упреки в том, что будто бы она не национальна, что представляет интересы самых различных народов, а не того, о котором конкретно идет речь. Здесь - очевидное недоразумение. Ибо в конечном счете Церковь имеет дело не с народами, а со всем человечеством в целом и с каждым человеком в отдельности." При этом Церковь не отвергает понятия человечества, расы или нации, наоборот, утверждает их права, но придает им лишь преходящую ценность, которая подчинена ценности человека. Ведь Христос открыл доступ к божественной жизни не человечеству, не той или другой нации, не той или иной расе, а каждой душе, которая имеет добрую волю. Поэтому Церковь без устали защищает достоинство человеческой личности. "Отстаивая достоинство человеческого призвания, Церковь действительно прекрасно знает, что ее благовестие созвучно с глубочайшими устремлениями сердца человеческого. Это достоинство в том, что человек сотворен познания и любви к Богу, а также сотрудничества в деле любви, при этом пользуясь дарами от Бога на благо человечества; так он заслуживает жизнь с Богом в будущем.

Отметим также анализ взаимоотношения личности и Божественной целостности Тела Церкви у Анри де Любака. Он замечает: "Покоряясь Богу или соединяясь с Богом, человек, вливаясь в то великое духовное тело (Церковь - В.Э.), коего он должен быть членом, ничуть не теряет себя и не исчезает в нем. Напротив, он обретает себя, он раскрепощается и утверждается в бытии."

Анри де Любак подчеркивает, что личность существует только в отношении с другими личностями. "Бог, "не сотворивший мира вне себя", не сотворил и души, стоящими вне друг друга. Каждый человек прежде всего нуждается в другом, чтобы пробудиться к сознательной жизни. С другой стороны, быть личностью означает всегда быть наделенным ролью, то есть вступать в отношения с другими ради содействия Целому. Призыв к личностной жизни есть призвание, то есть призыв к исполнению вечной роли.

С того времени, как совершилось Искупление, человек может выполнять свое призвание лишь со Христом, во Христе и через Христа. Вне Христа уже не может совершиться ничего, обладающего вечной ценностью. Потому что, хоть человек,

созданный по образу Божию, и ранен грехом, который искажил его подобие Богу, но по великой любви к человеку Бог воплотился в Иисусе Христе, который вернул человеку подобие Божие и его достоинство. Он открыл человеку его самого, ибо 'тайна человека истинно освящается только в тайне воплотившегося Слова. Христос, последний Адам, в откровении тайны Отца и Его любви, в полноте являет человека самому человеку и ясно показывает ему его наивысшее призвание." Человек, соединяясь со Христом, усыновляется Богом, вовлекается в жизнь Бога, он призван к вечному блаженству с Ним. Христос, живя среди людей, дал нам пример отношений с Богом как с любящим Отцом. "Открывая Отца и открываясь благодаря Ему, Христос довершает откровение человеку о нем самом. Овладевая человеком, охватывая его и проникая в самые глубины его существа, Он принуждает также углубиться в себя, чтобы там внезапно открыть области, о коих он и не догадывался." Этим Христос явил истинное призвание человека, основанное на доверии и любви к Богу. В этом призвании человек обретает сам себя, обретает свое достоинство.

Это ясно замечает Анри де Любак; "Благодаря Христу Личность становится взрослой, человек окончательно отделяется от мира и полностью осознает себя. Отныне, еще до триумфального возгласа "познай, христианин, свое достоинство", можно будет восславить достоинство человека: достоинства человеческого удела. Заповедь мудреца: "познай самого себя" обретает новый смысл. Каждый человек, который говорит "я", произносит нечто абсолютное, окончательное." Приобщенный верой и крещением к Пасхальной тайне, человек становится "новым творением". Он вовлекается в жизнь Бога и Церкви, "принимает "начаток Духа", которым он становится способным исполнять новый закон любви. Этим духом весь человек внутренне восстанавливается."

Христос исполнил предвечный план Божий - план возвышения человека до достоинства искупленных и приглашенных к участию в Божественной жизни. Он совершил искупление, которым объял всех людей. Каждый человек в свете Божия откровения искуплен и призван участвовать в Пасхальной Тайне Христа. Каждый без исключения человек является для Церкви тем, к кому обращается Христос в Своей Церкви. По сути, каждый есть путь Церкви. В энциклике "Искупитель

человека" папа пишет: "Этот человек есть путь Церкви - путь, который является как бы основой всех тех путей, по которым Церковь должна идти, поскольку каждый человек без исключения был искуплен Христом и с каждым человеком без исключения Христос каким-то образом соединен, даже если человек не отдает себе в этом отчета: Христос, Который умер за всех и воскрес, может через Духа Святого ниспослать человеку свет и силы, чтобы тот был в состоянии откликнуться на свое наивысшее призвание." Церковь же, в свою очередь, есть путь к личности, она - живая предпосылка его совершенствования. Она может воздействовать на отдельного человека, тем полнее возвысить его до личности, чем решительней он объявит себя приверженцем того, чем является, стремясь исполнить предназначенное ему Богом. И, как утверждает Анри де Любак: "Будучи единственным подлинно "открытым" обществом, одна только Церковь может отвечать всем нашим насущным чаяниям, и лишь в ней можем мы в полную меру реализовать себя."

Становление человека

Человек не сотворен завершенным, в отличие от всего окружающего мира, он должен в сотрудничестве с Богом стать человеком, то есть "стать самим собой", обрести свою собственную личность. Об этом пишет папа Иоанн Павел II в энциклике "Veritatis Splendor" ("Сияние Истины") цитируя Григория Нисского: "В некотором смысле мы сами себе родители, самостоятельно формируем себя самих и своими решениями приобретаем тот облик, который хотим."

Цель и путь человека - это Сам Бог. Христос явил человеку его самого, поэтому он постоянно должен смотреть на Него, как на свой идеал. И это не легко. Человек, несущий на себе последствия греха, обнаруживает в себе хаос противоречивых желаний, но наряду с этим в нем есть глубокое стремление к единству и равновесию. Мир, в который он погружен, постоянно меняется, поэтому не помогает ему осуществить это стремление. Человек должен всегда бороться, прилагать усилия, чтобы овладеть своей собственной личностью. Поэтому он должен постоянно совершенствоваться, развивать в себе полученные дары, как

естественные, так и сверхъестественные, чтобы ими служить исполнению замысла Божия. Человек обязан всегда идти вперед, он не может позволять себе остановки, потому что они равносильны смерти. Никогда, ни в какой области он не может считать себя достигшим совершенства, так как его цель - это сам Бог, явившийся среди нас в образе Богочеловека.

Стремясь расти и совершенствоваться, человек не может беспорядочно развивать все добрые намерения, которые он обнаруживает в себе. В то же время, одностороннее развитие некоторых из них может повредить всему целому. Поэтому человеку и дана свобода, чтобы он мог ставить все на свое место и каждому явлению в своей жизни давать правильную оценку. Это и значит - стремиться быть действительно человеком. Гвардини пишет, каким должен стать человек: "Быть человеком - это значит знать о своей слабости, но верить, что она может быть преодолена. Это значит быть смиренным и в то же время уверенным. Ощущать себя бранным, но стремиться в вечное; находиться во власти времени, но соседствовать с вечностью; быть ограниченным в силах, но готовым к свершениям непреходящей значимости. Но для этого всегда нужно делать выбор, и соответственно - при этом от чего-то отказываться, жертвовать тем, что не было выбрано. Поэтому в силу каких-то событий, неведомых причин человек делает свой выбор и дает своей жизни определенное направление. Этот выбор не только изменяет внешнее состояние вещей по отношению к человеку, но и как следствие оценивает человека как личность, и тем самым определяет его внутренний облик. Очень ясно говорит об этом Григорий Нисский; "Все бытия, подлежащие росту, не остаются теми же самыми, но постоянно переходят из одного состояния в другое, подчиненные постоянной перемене к лучшему или худшему. И подлежать перемене означает всегда рождаться вновь. Однако, здесь возникновение - не результат внешнего воздействия, как это происходит в случае телесного бытия... Это действие свободного выбора, то есть в некотором смысле мы сами себе родители: самостоятельно формируем себя самих и своими решениями приобретаем тот облик, который хотим.

Церковь желает помочь человеку сделать правильный выбор, который будет достоин его. Она способна дать ему силы, чтобы преодолеть все привязанности человека, которые мешают ему обрести себя и идти к своей цели - к Богу.

III ГЛАВА. ЧЕЛОВЕК И ЦЕРКОВЬ.

Как мы увидели, общность глубоко заложена в природе человека. Все дарования от Бога человеку должны быть направлены на благо всех. Церковь помогает достичь полноты общности, где личность и общность дополняют друг друга в любви. Церковь отстаивает достоинство человека, которое возвращено ему Иисусом Христом. Она возвышает его до полной личности, помогая ему стать тем, кем он должен быть, что возможно, если сам человек хочет сотрудничать с Богом. Человек несовершенен и вследствие этого стоит перед выбором. В этом Церковь помогает ему, чтобы он смог в своей свободе принять верное решение на пути к Богу. В этой главе мы рассмотрим, как Церковь может помочь человеку. Она, являясь как земной, так и небесной, дает ему опору, с помощью которой он может возвыситься над всеми проблемами, гнетущими его. Для этого она ставит его перед Богом, чтобы он смог осознать, кто он и кто Бог. В конце речь пойдет об том, что человек истинно живущий в Церкви и с Церковью, уже не может сказать ей "Ты", так как он сам - часть ее.

Освобождение личности через Церковь

В мире существует множество представлений о свободе. Одни думают, что человек свободен тогда, когда может делать все, что захочет. Он не подчинен законам общества, в котором живет, то есть для него "быть свободным - значит не быть принуждаемым извне, значит иметь право выбрать по своей собственной воле между различными возможностями. Это ложное представление о свободе. Катехизис Католической Церкви напоминает нам, что свобода неотделима от ответственности и любви. "Пользование свободой не предполагает права говорить все что угодно и делать все что угодно. Неверно утверждение, что человек как субъект свободы самодостаточен, имеет целью удовлетворение своих собственных интересов в пользовании земными благами. Отдаляясь от морального закона, человек наносит ущерб собственной свободе, он сам себя приковывает к цепи, разрушает братство себе подобных и восстает против божественной истины.

Человек сотворен Богом, который дарует каждому все, что ему необходимо. Каждый является единственным в своей сущности и личности, не существует двух одинаковых людей. Каждый - шедевр Бога, несущий в себе замысел Создателя. Если же в человеке проявляется эта уникальность через всю его сущность и действия, если он живет с естественной непринужденностью, то он свободен. Человек свободен, когда живет в полном соответствии с замыслом Бога. Но этот человек должен еще и видеть вещи такими, каковы они на самом деле. Он должен видеть их как бы изнутри, в их целостности, с их естественными взаимосвязями, как они находятся в Божием замысле. Гвардини так пишет о свободном человеке: "Человек должен быть способен видеть великое великим, а малое малым; что бесполезное он видит бесполезным, а драгоценное драгоценным. Что он одинаково верно видит как различия, отделяющие вещь от вещи, состояние от состояния, так и связи между вещами вместе с их размерами. Что он постигает иерархию вещей; градацию ценностей, их низшую ступень и вершину. Можно сказать, что из души человека исходит взгляд, который проникает в суть вещей. Он своей любовью обнимает реальность, все полноту ее содержания. Видеть мир таковым, имея в себе силы не только так мыслить, но и действовать в повседневной жизни, полной неожиданных событий и страстей - это и будет свободой человека. И это не должно исходить от принуждения, но от желания и воли человека, ведь в этом реализуется его личность.

Но где мы можем обрести эту истинную свободу? Ответ на него один: Церковь и только она ведет нас к истинной свободе. Сильная связанность человека внешними и внутренними проблемами более или менее ограничивает развитие человека. "Различные внешние связи, ограничивающие человека. Они могут быть очень сильными, но если он обладает достаточной энергией, то в конце концов их преодолет. Сильнее связывает человека его духовное окружение: посредством мнений, обычаев, преданий, традиций; посредством тысяч незримых, но постепенно действующих сил, примера, интеллектуального и чувственного воздействия. Все это проникает в самые глубины. И полностью разрушить эти колдовские чары не способен даже гений. Все обычные люди подчинены этим внешним и внутренним связям, которые не дают нам быть полностью свободными, независимо от того, хотим ли мы этого или нет.

Силой, которая может нас освободить, является Церковь. Но она сможет нас освободить лишь при условии, что мы всем своим существом доверимся ей. Анри де Любак говорит о ней: "Узы, которыми, казалось бы, она сковывает, к конечном счете нас освобождают, раскрепощают и объединяют. Это сила, которая обращается к нам из вечности и которая в своей основе независима ни от каких связей. Она открывает человеку глаза на его ограниченность и обусловленность, возвышая его над ними. Она помогает человеку преодолеть, возвыситься над его внешними и внутренними привязанностями. Церковь призвана неизменно нести людям законченные истины, идеалы совершенства, глубинные направления оценочной деятельности и не имеет права вводить себя в заблуждение никакой страстью, никакими колебаниями чувств, никакими эгоистическими уловками. Если человек постигнет ее сущность, то она станет для него подлинной жизнью. Церковь показывает путь к свободе, к свободе от всякой порабощенности миру сему. Хоть она и имеет свои недостатки, так как является реальностью, вмещающей и земное и небесное, но дает человеку суть истины и чистый идеал совершенства. В них человек может возвыситься над своей несвободой.

Человеку, живущему Церковью, она дает точку опоры и тогда он может устоять надо всем, его ограничивающим, и сделать свободный выбор. Анри де Любак ясно выражает эту мысль. Он пишет: "Церковь есть - для всех людей без исключения и в первом, даже сугубо человеческом смысле этого слова - сила освобождающая. Она не ограничивается призывами к некой высшей жизни, она создает среду, с которой можно слиться, атмосферу, укрепляющую человека." Это возможно, потому что сущностные корни Церкви находятся в надвременном, надтерриториальном и в вечно-неизменном.

Церковь всегда несовременна, так как не принадлежит времени. Она находится постоянно в противоречии со временем, хотя соотносена с каждым временем. Время постоянно ее упрекает, что она находится в прошлом и из него черпает все, что ей необходимо. Так было и в средневековье, и сейчас. В самом же деле она абсолютно времени не принадлежит. Она - реальность, которая, пребывая на земле, включает в себя и небесное. Человек вовлекается в эту реальность, так что хоть "он по-прежнему принадлежит земному граду, ибо по-прежнему является

человеком, человеком земным; но он уже более не связан исключительно его узами, так как введен в новый град, в котором разворачивается его новое существование. Этот новый град - прибежище и зерно мироздания - и есть Церковь... В ней Бог воссоздает и преобразует род человеческий. Церковь земная уже есть "вышний Иерусалим, мать всем нам". Она свободна, говорит нам апостол Павел и делает нас свободными тою "свободой, которую даровал нам Христос."

Церковь постоянно устремлена к Богу. Поэтому она против всего того, что претендует на место вечных ценностей, и ставит временное и преходящее на службу вечному. Она имеет дело со всем человечеством, а не с группами или народами, а также с каждым человеком в отдельности. Человечество и человек как индивид - это то, что наиболее близко к Вечности. Поэтому ее постоянно упрекают в том, что она не национальная, не государственная. Она стоит на своем, ибо государство и нация всегда заключены во времени. Церковь - противница актуального, она защищает душу от сил, порабащивающих ее, так как актуальное всегда находится в вечной несвободе. Бездуховное насилие актуального порабащивает свободу души, так как его навязчивый шум заглушает гармонию вечности. Она, Церковь, постоянно выступает против сиюминутного, за вечное.

Таким образом, Церковь помогает личности быть свободной от иллюзий мира и постоянно устремляет ее взгляд к Вечности. "Кто живет ею, тот, вероятно, будет сначала испытывать нетерпеливое возмущение оттого, что она то и дело ставит его в противоречие с желаниями других. Он будет ощущать себя как бы принуждаемым к отсталости все то время, пока он усматривает самое важное в общеизвестных высказываниях, в распространенных сиюминутных мнениях, пока в партиях и нациях он видит истинных ревнителей ценностей. Когда же пелена спадет с его глаз, тогда он осознает, что Церковь постоянно стремится освободить человека, живущего в ней, от колдовских чар времени, перемещая его в масштабы вечного."

Но для того, чтобы Церковь могла освободить человека, сделать его истинно свободным, от него требуется не только слушать ее, но и жить тем, чему она учит, воплощать ее учение в своей ежедневной жизни. Но тогда, от человека требуется послушание Церкви. Это послушание имеет под собой основу - Самого Бога, ведь Церковь повелевает лишь потому, что она сама, прежде всего, подчиняется Богу,

поэтому, подчиняясь ей, человек подчиняется Самому Богу. Анри де Любак так выражает это: "Принимая все указания, как того требует Церковь, понимая их так, как она принимает, (человек - В.Э.), никогда не выражает позицию борца за восстановление ущемленной автономии своей личности. Вступать в препирательства с теми, кто представляет Бога на земле, для него не более естественно, чем препираться с Ним Самим". Поэтому, вслед за Св. Августином можно сказать, что послушание - вот для человека цена свободы и единства; он слуга тех уз, которые не связывают. И человек, связанный этими узами, должен стараться оберегать их от фальши и искажений, угождая не людям, а Богу. Таким образом, человек, принимающий то, чему учит Церковь, в которой действует Бог, сможет постепенно стать свободным, и на ее призыв радостно ответить: "Где Дух Господень, там свобода".

Церковь ставит человека перед Богом

Церковь ставит человека лицом к Абсолютному. Она также ставит его перед Безусловным, и тогда человек начинает осознавать, что он безусловен. У человека вновь пробуждается страстное желание к свободе от тысячи зависимостей, к внутреннему совершенству. Церковь ставит его и перед Вечным. И человек осознает, что он прах, но в то же время предназначен для жизни непреходящей, вечной. Она ставит его и перед Бесконечным, и тогда человек понимает, до какой степени он ограничен в своем существовании и только одна бесконечность может наполнить его. Но она его не оставляет в его немощах и ограниченности, "ибо Церковь через своих детей находится в единении с людьми любого положения, а в особенности с нищими и скорбящими, охотно жертвуя собою для них. Она разделяет их радости и страдания, знает стремления и загадки их жизни, сострадает им в смертной тоске." Этим, - пишет Гвардини, - Церковь создает в человеке напряжение между его действительностью, бытием и стремлением к цели, необходимое для его истинной жизни. Это напряжение она разряжает через тайну Божией любви и его подобия Богу. Тем самым она дает осознать, что человек - творение Бога, но в отличие от других творений - творение, обладающее подобием

Божиим. Это дает человеку возможность постигать Бога, овладеть Им, и у него достаточно сил, чтобы достичь Абсолютного. При встрече человека с Абсолютным человек оказывается перед Богом и осознает, кто он и кто Бог. Такая встреча есть самое главное переживание христианства. Это и есть дело Церкви, которая позволяет человеку осознать и признать себя Божиим творением/* Эту встречу с Безусловным Церковь проявляет по-разному. Романо Гвардини указывает на три основных способа проявления этого.

Первый из способов - это догмат. Церковь ставит человека перед догматом. В догмате присутствуют и осмысляются общепризнанные истины, независимые от исторических условий, от точности опытов науки и критики. Автор комментирует: "кто, веруя, предстает перед догматом, тот встречается в нем с Безусловным. Ему становится ясно, как сильно колеблется его собственное познание, но этому противостоит божественно достоверная безусловная истина. Если он с честью принимает ее, тогда он становится "Человеком". Тогда он сможет верно оценить себя как творение Бога. Его суждения делаются ясными и исполненными смирения. Одновременно он знает, что есть Безусловное, и оно находится где-то рядом. Веруя, он принимает это Безусловное в душу. Душа становится спокойной, радостной, способной утверждаться не только в своих пределах, но и стремиться в Вечное. Это все из-за того, что становятся ясными противоположности, которые казались смутными, такие, как надежное и сомнительное, истинное и ложное, малое и великое. Человек, хоть и ощущает свою зависимость, но стремится ее преодолеть.

Следующим способом являются моральные и общественные правила. Церковь ставит человека перед множеством абсолютных ценностей, перед идеалом безусловного совершенства, перед жизненным порядком, который дает гарантию истины: личностью Христа. В Церкви продолжает жить вся совокупность ценностей и масштабов, которым учил и которые воплощал в Себе Христос. Человек предстает и здесь перед Безусловно Значимым. Он принимает свою ограниченность, но в тоже время обретает способность соотносить свою конечную жизнь с Безусловным и наполнять ее бесконечным содержанием. И тогда он обретает внутренний покой, радость ощущения себя Божиим творением, радость приобщенности к Богу.

Следующий, третий способ - литургия. В ней Церковь представляет нам ясно и однозначно действительного Бога, а Ему - человека как творение. В литургии Церковь учит нас молитве, жертве, таинству, которые являются основными способами общения с Богом. Через священные действия и тексты она пробуждает в нас мысли о том, для чего создан человек, то есть о поклонении, благодарении, просьбе и покаянии Богу. Тем самым человек входит в молитву, которая утверждает его как человека. Это тоже вносит в сердце человека порядок, все обретает в его жизни свое время и место.

Таким образом, Церковь, ставя человека перед Богом, помогает ему обрести себя как творение Божие и начать свое восхождение к Богу. Она как будто постоянно говорит ему: "Ты творение, но и подобие Бога. Бог станет твоим, если ты пожелаешь."

С. Церковь как "Я", а не "Ты"

Анри де Любак пишет о таком явлении внутри Церкви, как критика, направленная против Церкви. "Это похоже на эпидемию коллективной неврастении - для тех, кто заразился, все становится предметом поношения. И это уже не просто ирония, неприятие или горечь... Осуждение распространяется на все без исключения." При таком отношении даже то, что ведет к подъему духа кладет на него печать паралича, хотя вера может оставаться искренней, но не плодоносной. Таким образом, отношение человека к Церкви становится таким, что он говорит о ней, как стоящий извне, то есть "Ты". Это подчеркивает Любак; "Церковь теперь рассматривается, как субъект суждения. Молитвенный возглас превращается в чисто житейский упрек. Это фарисейство, род внутреннего отпадения, еще неосознанного, но уже вредоносного, становится первым шагом к отречению." Человек становится мизантропом, ненавидящим всякого человека, как если бы он был сделан из другого теста, но "для того, чтобы понять человечество, достаточно быть его частью, погрузиться в него и затеряться среди его членов, и тогда в нас не останется более отстраненности, осуждения и стремления все сравнивать." Такое отношение к Церкви как к субъекту прикрывают так называемой самокритикой. "Известный вид самокритики, целиком направленный вовне, оказывается на деле поиском алиби, попыткой избежать суда совести." Выйти из этого возможно, если человек признает

единство всех членов Церкви. "Смирненное признание единства всех членов Церкви освободит нас, быть может, от некоторых иллюзий, даст нам возможность полюбить и увидеть в новом свете даже то, чего мы не в силах понять в идеях и институтах, в традициях и требованиях нашей Церкви."

Что означает Церковь для личного бытия и жизни человека, действительно живущего ею? Романо Гвардии и противопоставляет новую жизнь Церкви новой жизни личности, чтобы лучше узнать их соотношение. Он пишет: "Новое творение - это и Церковь, и личность; и то и другое одновременно, изначально по своей сути. Мир Церкви дан единожды и для всех, ибо Церковь - это проникновение благодати Божией в человека, пребывающего в общности. Новое творение существует и как Церковь, и как христианская личность. Нельзя отделить одно от другого." Таким образом, Церковь нуждается в личности и наоборот, личность нуждается в Церкви, потому что они дополняют друг друга. Личность сама в себе и одновременно - член церковной общности. Общность сознательно основывается на личностях, каждая из которых является отдельным миром, уникальным и своеобразным. Возлюбить Церковь - значит осознать взаимообусловленность ее и личности; совершенство одного - это сила другого, то есть то, что принадлежит мне, принадлежит всей Церкви и все, что имеет Церковь, она дает личности. Тогда для личности Церковь - это уже не "Ты", но "Я", содержание ее жизни. Возможность любить Церковь есть величайшее благо, пишет Гвардини, которое нам крайне необходимо. Но человеческая личность стала слишком самостоятельной, чтобы любить ее только потому, что в ней родилась или вошла в нее через крещение. Мы не можем руководствоваться лишь неясными чувствами, нам может помочь только четкое осознание ее сущности и смысла. Нам следует ясно понять, - утверждает автор, - что "Я" является христианской личностью в той степени, в какой оно есть член Церкви, и в какой Церкви живет в нем. Когда я обращаюсь к ней, в глубине своего разума я говорю не "Я", а "Ты" Когда это дойдет до сознания человека, тогда Церковь для него станет кровью от крови, содержанием, которым он живет.

Очень полно представляет эту тему известный богослов о. Антон Штрукель в своей книге "О славе Божией" Он исходит из необходимости сначала понять Любовь для понимания Тайны Церкви. При этом настоящая любовь всегда

действена и не может быть критичной. Только любовь может изменить другого человека к лучшему. И изменение Церкви может произойти только подобным путем. Во все времена подлинная реформа Церкви всегда совершалась из любви к Невесте Христовой.

"Что значит любить Церковь?" - спрашивает А. Штрукель. Любовь к Церкви для него означает самоотождествление себя с нею. При этом он ссылается на Х. У. фон Бальтазара: "Я должен потому любить Церковь, что я понял ее суть, любить ее не как нечто другое, оторванное от меня и мне противостоящее, а как уже мне данную реальность, восполняющую мои стремления, способности, возможности, как выполнения всего, чего у меня нет или существует частично и ограничено. И вот получается так, что когда речь идет о том, что такое Церковь и какова ее сущность, то формула частичного отождествления себя с Церковью заменяется другой: я как часть целого (*der Partielle*) достигаю полного отождествления себя с собой только через полное отождествление себя с Церковью". Это отождествление себя с Церковью не имеет ничего общего с самоотчуждением. Отказываясь от собственнической ограниченной любви, мы приобретаем Христа - Любовь, не знающую границ, Любовь вселенскую, которая делает нас истинно свободными. Поэтому только Церковь может дать человеку смысл вселенского существования. Отождествление себя с Церковью ведет к "расширению границ человека", к его росту. Это напоминает бесконечное евхаристическое продление жизни Христа, которое Он совершает через Жертву, через "самоуничтожение" Своей жизни в Евхаристии. Этот аспект самопожертвования в Церкви и для Церкви подчеркивает Х. У. фон Бальтазар: "Остается еще только сказать, что, чем беззаветнее и бескорыстнее служит христианин Богу, чем больше отдает себя Божию делу во Христе, чем больше на его помощь могут полагаться и Бог, и Церковь, и другие люди, чем скорее он откликается на беды других, чем важнее для него Дело Христа, спасение всех, а не свое собственное спасение и благополучие, чем чаще в своих молитвах просит Бога о других людях, особенно о самых отверженных, чем больше он сам отдает себя Богу, и своей жизнью, а если нужно и своей смертью, свидетельствует Истину Божьего Спасения, - тем более плодотворным будет он в царстве милосердия, тем больше плодов будет на его деревьях для Бога, Церкви и

других людей, тем большее пространство будет охватывать его жизнь; он станет вровень с той высотой, на которую поднялась Церковь, сможет отождествлять себя с ней, он станет, как говорили Отцы Церкви, жизнью Церкви, ее душой, *anima ecclesiastica*." Эту мысль раскрывает Анри де Любак, который говорит о человеке церковном, "*vir ecclesiasticus*", то есть это человек церкви, человек христианского общества.

И получается так, что, по словам Оригена, душа, отказавшись от себя и всего эгоистического, ради Любви соборной, становится *anima ecclesiastica*, т.е. душой, равной высотой своего духа величию Церкви. Ориген провозглашает, что он желал бы поистине быть церковным человеком, ибо только в этом видит средство стать в полной мере христианином. Анри де Любак говорит, что значит быть церковным человеком. "Церковь пленила его сердце, стала его духовным отечеством, "матерью и братьями его. Ничего из того, что касается ее, не оставляет его равнодушным или безразличным. Он вращается в ее почву, создает себя по своему образу, проникается ее опытом. Он чувствует себя богатым ее богатствами. Он осознает, что лишь через нее может быть причастным крепости Божией. В Церкви он учится жить и умирать. *Он не судит ее, но отдает себя на ее суд (курсив мой)*. Он с радостью идет на любые жертвы во имя ее единства. Человек, обладающий такой душой, помогает создавать жизненное пространство Церкви, которое заполнено любовью.

К счастью, и сегодня есть люди, которые стараются жить так, как нужно жить для Церкви, Тихо, почти без слов, они осуществляют истинное задание Церкви - Поклонение Слову Божию и терпение в невзгодах. Они проникают везде. И то, что делает в своем служении один христианин, то же совершает на земле Церковь, как любящая Матерь всех христиан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В заключение, хочется просто обратиться к конституции "Gaudiium et Spes" ("Радость и Надежда"), в словах которой, как нам кажется, отображается весь смысл этой работы.

"Современный человек стоит на пути все более полного развития своей личности и все большего раскрытия и утверждения своих прав. Но, поскольку Церкви поручено являть тайну Бога, Который является высшей целью человека, она вместе с тем открывает человеку смысл его собственного существования, то есть сокровенную истину о человеке. Церковь достоверно знает, что только Бог, Которому она служит, отвечает на глубочайшие желания человеческого сердца, которое никогда не насыщается до конца пищей земной... У человека всегда будет желание узнать - пусть хотя бы смутно - о том, каково значение его жизни, деятельности и смерти. Уже само присутствие Церкви напоминает ему об этих проблемах. Но один лишь Бог, сотворивший человека по образу Своему и искупивший его от греха, дает на эти вопросы исчерпывающе полный ответ через Откровение в Своем вочеловечившемся Сыне. Всякий, кто следует Христу, совершенному человеку, и сам в большей мере становится человеком. Исходя из этого, Церковь может избавить достоинство человеческой природы от всяческих переменчивых взглядов, которые, например, то слишком унижают человеческое тело, то чрезмерно его превозносят. Никакой человеческий закон не способен так успешно защитить личное достоинство и свободу человека, как Евангелие Христово вверенное

Церкви. Ведь это Евангелие возвещает и провозглашает свободу детей Божиих, отвергает всякое рабство, проистекающее в конечном счете из греха, свято чтит достоинство совести и ее свободу принимать решения, неустанно призывает умножать все человеческие таланты в служение Богу и на пользу людям и, наконец, заповедует всем любить всех.

"Церковь, исполняя свой долг, тем самым уже движет вперед человеческую цивилизацию и культуру и помогает им, а своей деятельностью, в том числе и литургической, она воспитывает человека для внутренней свободы."

Из этих двух цитат видно, что идеи, высказанные Апри де Любаком и Романо Гвардини и представленные в работе, легли в основу Второго Ватиканского Собора и его учения.

Как дальнейшую перспективу этой работы можно рассматривать всеобщее призвание к святости в Церкви, что выражено ясно в конституции "Lumen Gentium" ("Свет народам"). Ведь человек, любящий ее и живущий ею, пытается отдать ей все сокровища, которые он имеет. Церковь, в свою очередь, ставит его перед Богом и дает все необходимое для соединения с Ним. Таким образом, она освобождает человека. Только в этой «свободе детей Божиих» (Рим 8,21), человек может возрасть в любви. А любовь есть Сам Бог. Жить в любви - святость.